

МОСК. НОВОСТИ
- 1994 - 9 - 16 марта
- с 21

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД

Рубрику ведет
Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ

Бог живого человека

В прошлый раз обещал поговорить о «сливках» и «бульваре». Так вот сначала о сливках. Без кавычек.

Недавно исполнилось 135 лет Савве Тимофеевичу Морозову. Событие малопримечательное для нашей общественности, да и мы в Художественном театре могли бы не вспомнить про этот день, если б морозовская правнучка Татьяна Павловна не позвала на улицу Донскую, в Музей российских меценатов и благодетелей (есть и такой музей в постсоветской Москве). Пригласили Олега Ефремова и еще нескольких мхатчиков (естественно, и Татьяну Лаврову, род которой по отцу идет от Викулы Елисеевича Морозова). Предпошущенные вечера с потомками богатейших людей было тоскливым. Опыт «презентаций» последних лет был настолько разрушительным, а само слово «меценат» так слиплось у нас с понятием «жулик», что идти не хотелось. Любопытство, однако, пересилило: интересно было посмотреть, как новые русские поминают старых.

Вечер этот согрел душу. Наследники знаменитейших русских фамилий – Морозовых, Рябушинских, Хлудовых, Соболевских, Найденовых, Алексеевых – не пиروвали и не награждали друг друга. Они разговаривали. Скромнейшее угощение – рюмка водки, бутерброд, чай. О чем говорили? Да все о том же. О прошлой России и нынешней. Никто не заламывал руки, не пугал бесами-инородцами и не стонал о родине, которую мы потеряли. Нынешняя власть, кажется, не удостоена была даже чести быть помянутой. Это, так сказать, внешние предлагаемые обстоятельства, с которыми надо смириться. Как сказали бы в старом МХТ, тут тон крепкой веры. Вопрос в том, что ж это за вера.

Не вчера начав заниматься историей МХТ, я впервые с такой остротой осознал простой факт. Многие из тех, кто строил русскую культуру на рубеже веков, в том числе и Савва Тимофеевич, были старообрядцами. Религиозное диссидентство составило тот прочнейший духовный грунт, на котором основывалось деловое и культурное подвижничество. Именно в связи с характером морозовской веры историк заметил, что мы тут имеем дело с копившейся из поколения в поколение статической энергией упорства, которая потом выплилась «в динамическую энергию творчества».

Мануфактур-советник Савва Морозов и он же один из директоров молодого МХТ – единое целое. Образцовые текстильные фабрики и лучшая русская сцена, оборудованная по последнему слову европейской техники, – это тоже в одном ряду. Мануфактур-советники и режиссеры тащут Россию в новый для нее мир. Савва не спонсор, он еще и строитель, чернорабочий, своими руками красящий лампочки для сцены. Кембридж, Орехово-Зуево и театр в Камергерском запросто сосуществуют в его жизни, как сосуществуют в жизни Станиславского отсмотр последних парижских премьер с закупкой новых станков для золотоканительной фабрики. Обои движет тайная гордость, оба не прочь «оживить Европу от усталости и дряхлости». Но, Бог ты мой, как далеки они от тупиковой национальной спеси. Они работают, творят благо, и за этим благотворительством есть общая идея, без которой и деньги, и любое дело мертвы.

...Смотрю на потомков Морозовых, Рябушинских, Алексеевых. На столе бедно. Как говаривал в подобных случаях поэт Михалков, «опера нищих». От некоторых лиц оторваться нельзя. Историк Лев Николаевич Краснопевцев, хранитель музея, рассуждает о новых русских. О пятиклассниках. «В воскресный день, с сестрой своей» ведут их в Музей. Но не к Владимиру Ильичу, а к Савве Тимофеевичу. Некоторые приходят с тетрадочками, подробно расспрашивают и записывают. На них и покоится вера Льва Николаевича.

Выступают потомки, а я поглядываю на Ефремова. Что-то вдруг засветилось в его лице, омраченном болезнью (ногу сломал). С жадностью ловит каждое слово, морщится, когда кто-то из «наших» начинает отпевать Россию. Он весь в своих «Трех сестрах». А про что эти «Три сестры»? Да все про то же. Про веру среди упадка. Про то, что «вспомнят наши лица». Про общую идею и Бога живого человека, которых пытаемся обрести.